

Я ХИЛМАР,
ХИЛМАР КУКАРЕКСОН, БОЕВОЙ
ПЕТУХ И СЫЩИК. Я ДАВНО ЖИВУ
СРЕДИ ГОРОДСКИХ ПТИЦ И ПОЭТОМУ
НИЧЕГО НЕ БОЮСЬ. МЕНЯ НИЧТО
НЕ МОЖЕТ НАПУГАТЬ. НУ РАЗВЕ
ЧТО СОВЫ.

Петух и «Яичница»

«Яичница» — моё излюбленное местечко. А находится оно в Пернатов-стане, городке, куда, пожалуй, лишь птицы отваживаются залетать. И всё потому, что Пернатов-стан держит в стальных когтях орёл Эдгар Грифыч. Слабакам в «Яичницу» клюв совать не советую: местные посетители — птицы непростые, а многие так вообще только недавно из клетки выбрались. Зато зерно здесь подают отменное, да и коктейли ничего себе.

Сию я однажды вечером за своим обычным столиком, поклёвываю перчик чили, и вдруг кто-то как гаркнет мне прямо в ухо:

— Хилмар! Вот старое чучело! Я-то думал, твоими перьями давным-давно подушку набили, а ты тут сидишь да ещё хорохоришься!

— Ага, держу клюв пистолетом, — буркнул я и про себя выругался.

Отчайка — вот кто это был, а Отчайка — обычная трусливая чайка. Работает он на «Хищников», самую жуткую бандитскую группировку во всём Пернатов-стане. Случись где какая заварушка — Отчайка уже тут как тут, тушки расклёвывает. После него не остаётся ни косточки, ни пёрышка.

Отчайкин шеф — Эдгар Грифыч, он же и главарь «Хищников». Про Грифыча чего только не чирикают. Будто бы он может до смерти заклевать какого-нибудь бедолагу лишь потому, что у него в клюве зачешется. Будто бы своих врагов он скармливает ручным орлам. Я и сам оплошал — занял у Грифыча зерна, и если теперь не верну, мне не поздоровится.

В закромах у Грифыча мешков с зерном — со счёту собьёшься! И на каждом его личная грифовская печать. Вот только Эдгар Грифыч до кончиков ногтей жадный. Когда одалживаешь что-нибудь у него, будь готов вернуть вдвое больше.

Я же, к сожалению, беден как церковный голубь.

— Проваливай отсюда, Отчайка, — пробормотал я.

— Как только у тебя смелости хватает сюда залетать? Грифыч говорит: гони зерно, иначе недолго тебе осталось, — ухмыльнулся он.

— И тебе, несчастному падальщику, Грифыч такое дело поручил?

— Эдгар уже всё продумал. Не ерепенься. — И клюнул меня за хвост.

Чтобы не начистить ему клюв, я собрал волю в кулак. Уж чего я прям терпеть не могу — так это когда меня дёргают за хвост.

Вот только Отчайка ничего не заметил — он махнул крылом в сторону ринга для петушиных боёв, где прямо сейчас в облаке перьев наскакивали друг на друга два здоровенных бройлера. При виде их меня охватила дрожь. Бывали времена, когда и я дрался, чтобы добыть себе пару зёрнышек. Тогда-то мне и свернули клюв, и теперь он глядит чуть в сторону.

— Кое-кому не терпится сделать из тебя цыплёнка табака, — бросил Отчайка.

В углу возле ринга стояла пара мерзких типчиков с выщипанными перьями, татуировками и красными петушиными гребнями. Бой им был до лампочки — на самом деле они глядели на меня. Их имён я не знал, но не сомневался: они из «Хищников». А ещё я помнил, что если они кого и уведут с собой — та птица назад не возвращается.

Я отвернулся.

— Отвали уже, Отчайка. Сил нет твои чаячи причитания слушать.

— Тем хуже для тебя, — огрызнулся Отчайка. — Я-то тебе помочь хочу. От такого предложения ты вряд ли откажешься.

— Да неужели? И что же это за предложение? Спеть Эдгару на ночь колыбельную?

— Смешно пошутил. — Он искоса посмотрел на меня. — Какой ты породы?

— Сибирская бойцовая, — признаюсь, я этим гордился. Вообще-то куры столь редкой породы — самые сильные в мире. И крутые. И дерутся отлично.

Отчайка фыркнул.

— Эдгар новое дело замутил, и ему нужны такие, как ты. Петушинные бои сейчас популярны. Если приведёшь ему парочку зверских дворцовых — или как ты там сказал, — он простит тебе долг.

— Как трогательно, — мрачно ответил я. — Передавай своему шефу привет и моё спасибо, но нет, не выйдет.

Бойцовых петухов для «Яичницы» вербовали «Хищники», чаще всего среди глупых или небогатых подростков-цыплят из деревни. С вербовщиками я был знаком не понаслышке. В совсем юном возрасте меня похитили из курятника, где я вылупился на свет. Потом отдали в приют для молодых бойцовых петухов — там я освоил искусство заклёвывать и царапать противников. Для сыщицкого ремесла эти навыки пригодились, но зарабатывать на жизнь боями — врагу не пожелаю!

Значит, «Хищникам» понадобились новые бойцовые петухи. До меня уже доходили слухи, что они сами начали разводить таких на старой фабрике. А вот заняться вербовкой родственников меня попросили впервые.

— Да отвяжись ты! — крикнул я, видя, что уходит Отчайка не намерен. — Тебе что, не к кому больше приклеваться?

Отчайка скрылся из виду. Впрочем, он успел донести до меня всё, что хотел: если я не приведу к Эдгару пару несчастных жертв или не заплачу по счёту, то из меня, считай, сварят суп.

Я пораскинул мозгами. Может, мне и впрямь в последний-распоследний раз выйти на ринг? Вдруг сорву куш — призовой мешок зерна? Но если я проиграю? Клюв и когти у меня давно не те, что прежде. И моя боевая тактика устарела. Ко всему прочему недавно я сломал крыло, и кости едва успели срастись.

У меня же есть профессия: я петух-ищейка и вполне способен этим себя прокормить. Однако в последнее время с заказами было негусто. Никто не просил найти потерявшегося котёнка или деревенскую дурочку-курочку, забредшую в Пернатов-стан в поисках красивой жизни и славы.

Нет, самое мудрое — залечь на дно, причём побыстрее.

Я доклевал перчик, выплюнул черешок и, неторопливо поднявшись, направился к туалету, который располагался возле входа. Шёл я вразвалку, стараясь выглядеть непринуждённо, но два мерзких типа уставились на меня — чуть дыру не проглядели. Им и впрямь не терпелось меня ощипать. «Спокойно, Хилмар, не дёргайся, — уговаривал я себя, — ты вроде как в туалет идёшь, с чего бы тебе волноваться?»

Мой план провалился. Шагая к туалету, я слегка повернул голову. Они двигались следом за мной. Тогда я распахнул дверь и выскочил в узкий переулок. На город опустился туман, да такой, что собственного клюва не разглядишь, но прямо возле двери ярко светил фонарь. Заметив пару мусорных баков, я юркнул за них. Здесь нестерпимо воняло тухлой рыбой, и я зажал клюв.

Вскоре в переулке слышались голоса. Я выглянул из-за бака.

Прямо под фонарём стоял Отчайка.

— Когда вскроете ему глотку, я доклюю то, что останется. Даже если мясо у него жёсткое — не беда! Люблю пожевать подольше.

Двое головорезов заухмылялись.

— Далеко ему не уйти! — заявил один.

Они принялись озираться, а я затаил дыхание. Наконец они двинулись дальше. На мусорные баки даже не посмотрели — решили, видно, что я чересчур крупный и за ними не умещусь.

Вот только мне-то куда податься? Может, дойти до порта и попроситься на корабль? Или залезть тайком в какой-нибудь выезжающий из города грузовик? Стиснув клюв, я двинулся было вдоль баков, но нечаянно задел крышку одного из них. Та свалилась на землю с таким шумом, будто я расколотил одновременно сотню пустых бутылок. Я выругался — моя старая матушка-наседка небось и не подозревала, что я знаю такие словечки! — и бросился наутёк.

— Эй, кривой клюв! — заверещал Отчайка. — Вернись! Стой, подушка ты драная!

Я выскочил на тротуар. Свернул в переулок. Возбравшись по пожарной лестнице. Спустился по водосточному жёлобу. Может, летать я и не умею, но район этот знаю как свои пять когтей.

А Отчайка верещал:

— Во-он он! Пюи-и-и-и! Быстрее! Пюи-и-и-и!

Надо сказать, цели он достиг: всего за пару секунд вокруг нарисовалось штук двадцать птиц, одна страшнее другой. Но тут на помощь мне пришли темнота и туман.

Возле клуба, где сегодня собиралась выступить поп-звезда Леди Гагара, я заметил толпу малолетних кур. Среди этих цыплят громилам Эдгара было не спрятаться, а вот я быстро протолкался через стаю вопящих малолеток, которые возбуждённо махали крыльями. От перьев и пуха я едва не задохнулся.

В конце концов я добрался до подворотни и остановился перевести дух. Рядом просматривалась оживлённая улица. Уж тут-то несложно затеряться в толпе!

Но я ошибался. Внезапно кто-то стальной хваткой сдавил мне шею и назвал по имени. В следующую секунду ноги мои оторвались от земли, и я затрепыхался в воздухе.